

Должно было быть полное жизни утро, но перед этими нежными цветами оно казалось тихим и безжизненным.

Все засучили рукава, готовые к работе, но словно окатили холодной водой, войдя в помещение в тяжёлой атмосфере. Они не знали, что делать.

Посреди комнаты, у окна, раздался сдержанный всхлип.

Обычно дети, услышав, как кто-то плачет, сами начинают плакать, но эти дети словно оцепенели, даже не взглянув в ту сторону.

— Простите, он недавно... — учитель Сяо поспешила подойти, но Цинь Цзюэ, стоявший рядом, махнул ей рукой.

— Ничего, я разберусь.

Все посмотрели в их сторону.

Цинь Цзюэ сел на край кровати, протянул руку к ребёнку и мягко спросил:

— Как тебя зовут?

Ребёнок не ответил, продолжая вытирать слёзы.

Цинь Цзюэ погладил его по голове:

— Меня зовут Цинь Цзюэ, можешь звать меня братом Цинь.

Мальчик вдруг перестал плакать. Его глаза покраснели, и он крикнул:

— Ты мне не брат!

Вокруг раздалась тихие взгляды, но никто не заговорил.

— А где твой брат?

— ... — ребёнок явно не ожидал, что кто-то прямо спросит о том, что все обходили стороной. Он зарыдал:

— Брат бросил меня! Мама и папа тоже бросили меня! Уааа!!!

Плач ребёнка был настолько заразительным, что несколько детей тоже начали тихо всхлипывать.

Знаменитости из съёмочной группы:

Это точно не по сценарию?

Почему плач усилился?

Цинь Цзюэ, видя, как он плачет, даже улыбнулся. Он взял мальчика подмышки, высоко поднял и, похлопывая по спине, сказал учительнице Сяо:

— Пусть поплачет, я выведу его.

— Ээ, хорошо, хорошо... — учительница Сяо смущённо улыбнулась. Все удивились: сколько же съёмочная группа заплатила приюту, чтобы не вмешиваться в такой момент?

Один оператор последовал за Цинь Цзюэ, а остальные дети вытерли слёзы, оделись и выстроились в очередь, чтобы умыться и позавтракать.

Два актёра приготовились к нашествию маленьких хулиганов, но увидели, как несколько детей с покрасневшими глазами ведут за руку старшие. Они почувствовали головную боль.

Дети действительно сложные.

Когда дети сели завтракать, Пэй Ваншэн взял у учительницы порцию еды и пошёл искать Цинь Цзюэ.

Режиссёр за монитором улыбался всё шире, заставляя ассистента поёживаться.

Они не ушли далеко, сидели на каменных ступеньках в заднем дворе. Малыш плакал так, что голос охрип, что-то бормотал, но Пэй Ваншэн не разобрал.

Цинь Цзюэ, увидев его, улыбнулся и помахал. Он совсем не растерялся перед плачущим ребёнком.

Пэй Ваншэн сел слева от мальчика, Цинь Цзюэ — справа. Он гладил ребёнка по голове и спросил:

— Еда пришла, будешь есть?

Мальчик надул губы, с досадой схватил миску и начал жадно есть, а Цинь Цзюэ, подперев голову рукой, с улыбкой наблюдал.

Пэй Ваншэн повернул голову и встретился с его взглядом. Как и раньше, случайно, словно по наитию, всего на мгновение этот взгляд проник в его сердце, как перо ведьмы, пробуждающее спящее семя.

— Ты утром наелся? — вдруг спросил Цинь Цзюэ, наклонившись. Между ними сидел ребёнок, и, подняв голову, можно было увидеть белые ключицы, очерченные низким воротом свитера, и изящную шею с едва заметным кадыком.

Он говорил тихо, так, что только они двое могли слышать. Его дыхание в холодном воздухе вызывало влажный зуд.

Пэй Ваншэн отвлёкся, и в кармане его пальто раздался шорох пластика.

— Тсс, Сяоли дал, только один кусочек.

Зимний воздух был холодным, но тепло распространилось от ушей к щекам. Кожа великого актёра, умеющего контролировать румянец, покрылась лёгким румянцем, словно Цинь Цзюэ рассказал похабный анекдот.

Цинь Цзюэ сделал это так естественно, что даже не заметил, как заставил другого покраснеть.

Ребёнок быстро поел, вскочил как на пружине и с гордостью показал пустую миску.

— Наелся?

— Угу!

— Молодец, Сяоли. — Цинь Цзюэ похвалил, взъерошив волосы мальчика.

Пэй Ваншэн наконец понял, что Сяоли — это не коллега по работе, а этот самый ребёнок.

Он с удивлением посмотрел на мальчика, потом на Цинь Цзюэ и вздохнул.

Как можно отбирать конфеты у детей?

Когда они вернулись с ребёнком в класс, остальные дети уже поели, сдали посуду тёте и пошли играть.

Этим новым «волонтёрам» пока некогда было играть с детьми. Им нужно было подготовиться к урокам. Сегодня задача была не сложной — провести занятия для детей.

Из-за предыдущего впечатления все не боялись уроков, даже были полны энтузиазма.

Только Цинь Цзюэ улыбался с некоторой долей смирения.

— Брат Цинь, — Хао Ляньцин тихонько подошёл с книгой, — ты такой крутой. Я сразу паникую, когда дети плачут.

Цинь Цзюэ рассмеялся:

— Не так страшно, просто слушай, как аккомпанемент.

Хао Ляньцин:

— ?

— Чем больше ты их успокаиваешь, тем больше они капризничают, чтобы ты их жалел. Если дать им выплакаться, они поймут, что это бесполезно, и перестанут.

— Серьёзно?

— Дети умные. — Цинь Цзюэ похлопал его по спине. — Будь готов.

Хао Ляньцин был в замешательстве.

Распределение в приюте отличалось от обычной школы — здесь было только два класса.

Дети до шести лет учились у воспитателей, а после шести лет тех, кто мог, отправляли в школу, а остальных учили в приюте.

Сначала учительница Сяо объяснила это очень мягко, и никто не мог понять, почему детей не отправляют в школу и почему на один урок нужно столько учителей.

На самом деле учитель был один, но большинство детей, кроме тех, у кого не было родственников, имели физические или умственные отклонения.

Дети с физическими недостатками были застенчивы, некоторые даже подвергались насилию, были замкнуты и жили в своём мире. Их нужно было выводить из этого состояния.

А дети с умственными отклонениями требовали больше времени, чтобы повторять простые

вещи снова и снова, пока не поймут.

Уроки были простыми, даже элементарными, но, несмотря на то что каждый занимался с одним-двумя детьми, знаменитости чувствовали себя перегруженными.

Лишь один был исключением.

Цинь Цзюэ занимался с четырьмя детьми. Кроме Сяоли, который сам к нему пришёл, ещё трое, и только один из них был с нормальным интеллектом. Пока все мучились, он легко общался с двумя детьми.

Утро прошло быстро. Остальные семь человек столкнулись с трудностями, и только в одном углу класса четверо детей закончили уроки и весело играли.

Учительница Сяо, уставшая за утро с семью «новичками», наконец нашла утешение.

— Ты действительно нравишься детям.

Цинь Цзюэ улыбнулся:

— Учитель Сяо, вы преувеличиваете. Я сам когда-то жил в приюте, поэтому знаю, как с ними обращаться.

Учительница Сяо не ожидала такого. Почувствовав, что затронула болезненную тему, она смутилась.

— Ничего. Я действительно люблю и благодарен приюту. Он дал мне тепло в тёмное время.

Учительница Сяо, услышав это, почувствовала ком в горле. Она погладила Цинь Цзюэ по голове, и глаза её наполнились слезами:

— Ты хороший мальчик.

— Учитель! Я тоже хороший! — девочка с нормальным интеллектом из группы Цинь Цзюэ подняла руку, требуя похвалы.

— Учитель! Я!

— А! А!

Учительница Сяо рассмеялась, погладив каждого по голове.

— Ты тоже хороший. — Цинь Цзюэ погладил Сяоли по голове. Мальчик надул губы.

Здесь царил весна, а в другом месте — мрак.

Продолжение следует.